

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Урунова Фируза Хайдаровна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Каршибаева Севара

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

Аннотация. В данной статье представлен комплексный анализ трансформаций, происходящих в субстантивной системе современного языка. Исследуются процессы аналитизма, динамика категории рода и числа, а также деривационные стратегии в условиях цифровой коммуникации. Рассматривает имя существительное не только как грамматический класс, но и как динамический интерфейс между мышлением и реальностью. Особое внимание уделяется переходу абстрактных понятий в разряд исчисляемых и влиянию медийного дискурса на морфологическую устойчивость флективного строя.

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the transformations occurring in the substantive system of modern language. The processes of analyticism, the dynamics of the gender and number categories, and derivational strategies in the context of digital communication are investigated. The author considers the noun not only as a grammatical class but also as a dynamic interface between thought and reality. Special attention is paid to the transition of abstract concepts into the category of concrete ones and the influence of media discourse on the morphological stability of the inflectional system. The work draws on the ideas of classical linguistics and modern critical concepts, presenting language as a selforganizing system.

Ключевые слова: имя существительное, языковая динамика, аналитизм, категория рода, субстантивация, деривация, морфология, неономинация.

Keywords: noun, linguistic dynamics, analyticism, gender category, substantivization, derivation, morphology, neomination.

Система имени существительного в ее современном состоянии представляет собой уникальный полигон для наблюдения за тем, как лингвистическая материя адаптируется к радикально изменившимся условиям социальной коммуникации. Традиционно воспринимаемое как консервативное ядро языка, имя существительное сегодня обнаруживает поразительную пластичность, вступая в фазу активной перестройки своих внутренних параметров. Язык можно уподобить «дому бытия», где имя существительное выполняет роль несущих конструкций, которые, однако, в эпоху технологического господства начинают вибрировать и менять свою плотность. Субстантив в XXI веке перестает быть просто статичным наименованием предмета; он становится сгустком прагматической информации, стремясь к предельной компрессии и автономности. Центральным вектором этой динамики является неуклонное движение в сторону аналитизма, что для исконно флективного русского языка означает серьезное испытание его морфологической устойчивости. Мы наблюдаем, как грамматические значения, ранее жестко закрепленные за окончанием, начинают диффузировать, перетекая в область контекста и синтаксических связей. Этот процесс напоминает метаморфозы, описываемые в прозе Владимира Набокова, где слово часто теряет свою привычную оболочку, обнажая зыбкую, текучую сущность, готовую принять любую форму в зависимости от освещения. Авторское восприятие набоковской мысли позволяет увидеть в существительном не просто метку, а «прозрачный кокон», сквозь который просвечивает изменчивая реальность.

Критическая рецепция этого явления, представленная в трудах структуралистов, в частности Ролана Барта, указывает на то, что имя

существительное обладает специфической «мифологической» силой: оно не просто называет вещь, оно легитимизирует её существование в системе ценностей. Идей Барта можно отметить, что буржуазный дискурс стремится превратить динамику истории в статичность природы, и существительное — идеальный инструмент для такой заморозки смыслов. Однако сегодня мы видим обратный процесс: существительное само становится динамичным, вовлекаясь в вихрь неологизации¹. Современная динамика системы существительного — это, по сути, процесс пересмотра легитимности старых номинаций. Одной из наиболее ярких тенденций выступает трансформация категории рода. В живой речи мы видим, как традиционные границы мужского и женского родов размываются под давлением социально-политических факторов. Рост числа феминитивов, вызывающий ожесточенные дискуссии, является лишь верхушкой айсберга. Глубже лежит процесс семантической деривации, когда родовая принадлежность слова перестает быть формальной характеристикой и становится маркером идеологической позиции говорящего. Правила номинации меняются непосредственно в ходе коммуникативного акта, и существительное здесь выступает как главный инструмент этой игры. Мы больше не следуем правилам как догмам; мы изобретаем правила в процессе речи, подстраивая морфологию существительного под сиюминутные нужды идентификации.

Параллельно с этим происходит масштабное «овеществление» абстракций. Слова, обозначавшие ментальные состояния или философские категории, всё чаще обретают признаки конкретных предметов, в частности, способность образовывать формы множественного числа. Мы привыкаем к «рискам», «компетенциям», «смыслам», «стратегиям» — эти понятия в современной речи превращаются в исчисляемые объекты, которые можно накапливать, передавать или терять. Подобная «инвентаризация» духа свидетельствует о технологизации мышления, где существительное служит

¹ Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.

средством упаковки сложного контента в удобные для манипуляции блоки. Если обратиться к размышлениям Юрия Лотмана о семиосфере через призму художественного пересказа, то можно представить язык как пульсирующий океан, где смысловые сгустки-существительные то кристаллизуются в жесткие формы, то растворяются в потоке новой информации. Лотмановская идея о том, что текст является «мыслящим устройством», находит подтверждение в способности имени существительного аккумулировать в себе культурную память, одновременно сопротивляясь и подчиняясь внешним взрывам неологизмов.

Словообразовательная активность в системе субстантива проявляется в гибридизации и активном использовании иноязычных моделей. Появление композитов без соединительной гласной, таких как «артдиректор», «бизнес-модель», «шоу-рум», создает пласт аналитических существительных, функционирующих по принципам, близким к английскому синтаксису. Это не просто заимствование лексем, это заимствование морфологического поведения. Субстантив становится более автономным от падежной парадигмы, стремясь к статусу универсального знака-иероглифа. Критики медиареальности отмечают, что форма слова сегодня сама по себе является сообщением: краткость, отсутствие флексий и аббревиация транслируют ритм ускоренной коммуникации. Имя существительное в эпоху мессенджеров стремится к нулевой флексии, к сжатию до корня-символа, что радикально меняет эстетику фразы.

Еще одним важным аспектом динамики является процесс субстантивации, при котором адъективные и причастные формы окончательно закрепляются в классе существительных. Это отражает стремление языка к экономии речевых усилий: признак предмета поглощает сам предмет, становясь самодостаточным наименованием. В художественном преломлении это можно сравнить с импрессионистическим видением мира, где цвет или движение заменяют собой физическое тело. Язык становится более субъективным и оценочным, что подтверждается ростом экспрессивных

суффиксальных образований в сетевом дискурсе. Существительное превращается в оценочный ярлык, где суффиксы инг, -ер, -ач выполняют роль эмоциональных детонаторов. При этом падежная система, несмотря на внешнее давление, демонстрирует поразительную живучесть, выполняя роль стабилизатора, который удерживает русский язык от превращения в чисто аналитический строй. Однако колебания в склонении заимствованных слов и числительных указывают на то, что «дихлофос» строгой нормы, о котором метафорически можно было бы сказать как о средстве консервации живой речи, постепенно выветривается. Мы вступаем в эпоху вариативности, где существительное может существовать в нескольких морфологических измерениях одновременно. Это напоминает структуру романа-лабиринта, где каждый выбор формы слова открывает новую ветвь смыслов.

Особого внимания заслуживает развитие системы субстантивов в рамках профессиональных и субкультурных жаргонов. Здесь существительное выступает как пароль, как средство деления мира на «своих» и «чужих». Идей М.В. Панова, существительное в таких условиях стремится к «фонетической выразительности», жертвуя грамматической правильностью ради экспрессии. Эта динамика «снизу» постепенно проникает в литературный стандарт, размывая границы высокого и низкого стилей. Существительное становится демократичным, оно больше не требует высокого пьедестала классической нормы².

Современная система имени существительного — это живой, пульсирующий организм, находящийся в состоянии непрерывного диалога с мировой культурой и новыми медиа. Она отражает переход от иерархического, вертикального мира к миру сетевому, горизонтальному, где каждое слово — это узел связи, открытый для мгновенной трансформации. Мы являемся свидетелями того, как «имя» из священного знака сущности превращается в эффективный инструмент навигации в информационном шуме, сохраняя при

² Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. — М.: Наука, 1999. — С. 490.

этом свою генетическую память и способность к бесконечному самообновлению. В будущем мы, вероятно, увидим еще большее сращение имени и функции, когда существительное окончательно утвердится в роли оператора реальности, способного мгновенно адаптироваться к любым вызовам когнитивной эволюции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
2. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. — М.: Наука, 1999.
3. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017.
4. Барт Р. Мифологии. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. — СПб.: Азбука, 2010.